

С М И Е Ш А

5

1944

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

«СМЕНА» РАССКАЗЫВАЕТ

ДОНБАСС ВОЗРОЖДАЕТСЯ

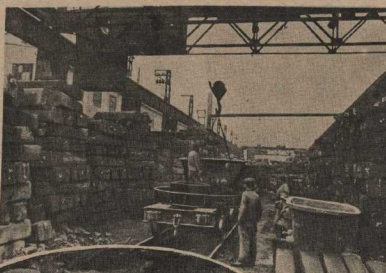
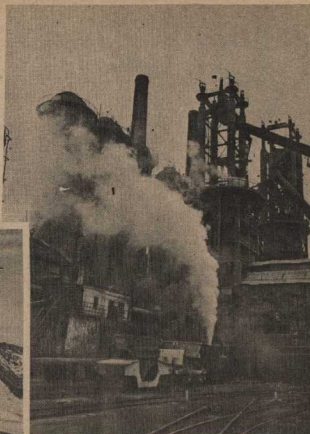

Фото М. Редюна

Люди пришли на родную землю, отвоюванную у врага, и увидели эту землю всю и равна и убогая. Газ и известь и прагу выловляли из, и любовь и своей семье обождала сердца. И шахтеры, старые и молодые, известные добытчики черного золота, газовые добытчики, их мужи и правнучи, являлись за восстановление родного Донбасса.

В невиданно короткий срок выросла домнина № 4 Яковлевского металлургического за. вода (сплошное строение). У печки была старая счбты с этой домной. В 1914—1918 годах, во время боя с немцами на Украине, печь № 4 далаа чужой фронт. Немцы паровали ее, думая, что счбты сведены. Но печь восстанавлива. и, и снова ее чужой фронт несли на фронтах Отечественной войны.

Лучшие мастера угледобычи возвращались в родные шахты. Горняки шахты имени Феликса Куца Н. Новичков, И. Гурина, А. Келья, И. Доробченко (полной сплошное строение), как и прежде, дают высокую добычу угля. Молодой стахановец шахты «Чекеста» И. Мартыненко (сплошное строение) также систематически превышает норму.

На металлургических заводах Донбасса вде массовое изготовление разнообразных сподирков для фронта. Подъемные краны штабские складывают готовую продукцию в складку Мангеньского металлургического завода (сплошное строение).

Заключивается монтаж линии высоковольтной сети, которая даст амперотверную энергию шахтам и заводам (сплошное строение).

Донбасс возрождается. Печны, уходы, шахты. Литье разрабатывает его до основания. Они рассчитали силу дымовита и тогда, но не сумели рассчитать силу газа и любви советских людей. А эта сила возрождает сейчас наш Донбасс — всесоюзную котельную, родную беспримерных трудовых подвигов.

С М Е Н И А

№ 5

Март

1944 год

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Андрей Мальшко

ПОЛКИ ИДУТ ВПЕРЕД!

Трепещут бичушки пред лёгкими штрамами,
И за Пидляцами летух тревожат тьму,
И гомон Жёлтых Вод звенит за тростинками —
Минувшее жнёт, ты веря будь ему.

Полки и сотни ждут. В ночи не спит Богдан,
Холод — уж не холол, и пан — теперь не пан,
Угроза, словно меч, над родной нависла,
Полки и сотни ждут — замешется булала,
И загудит труба, и сложится трава,
Кавани закричат — и гром падёт на Вислу,
Поля в пани декают, клубятся дымом тучи.

— Вставайте, казаки, смывайте соль и пот!
И вот уже Богдан стоит на мутном Збруче,
И едет в гневе он до зображских ворот,
И башни падают, Ландолектох на покосы
Кладёт лямка сталь, тутая, как струна,
И доблестью плещет заплата Богдана,
И слава солонит Немца стремеца,
Уже летят полки Максима Кривоноса.

Народа мощь жваёт. Шумит дубы в долине,
А очи матерей и радостны и слезы,
И двора в саду, как стая голубей.
Полки идут вперед:

— Не будет Украиной
Лукavian пан владеть, палач карать людей.

Прошедшее, как сон. Мы не забудем муки,
Ни радостей своих, ни рая и ни могол,
Уж сабдо брел отен, вставали даже внуки,
Народ мой шёл в поход, в манерках воду пил.
И палили порохом все звёзды небосклона,
Курьлась кровью степь, и вспоминали тех,
Кого забрала даль в своё земное лого,
Дорогой гроз в войн — неповторимых вех.

Да, мы с тобою те, кого зовут солдат,
Кого жвадалась мать, невеста или брат,
И как придем домой, в разгуле вешних сил
Запащем танками задымленные раны,
О, мы уже идём, ась веший дух Богдана
Нас на бой благословил!

...Шёл бой. Немцы отчаянно сопротивлялись, всеми силами стремились сдержать натиск наступавших советских бойцов. Огневой ураган немцев контратаковал излучил телефонную связь командного пункта Исакова полка с батальонами. Между тем обстановку требовала непрерывной связи с подразделениями.

— Ефрейтор! К командиру подал!

Через несколько секунд добровлец Красной Армии, комсомолец Владимир Гик, награждённый за успешные и храброе действия двумя орденами, уже стоял перед гвардией полковником Крайновым.

— Комбат олин. Срочно! — слыла полковник, передавая ефрейтору плат.

От вояхи и вояхи, от одного естественного удара в лоб, под сильнейшим обстрелом заборники саваной к щели. Десят вач и течение для прохода ефрейтору Гик этот таежный путь. Возмущение высоко ценится самоотверженностью саваной. Гудь-комсомолец Владимир Гик удержал ордена Красной звезды.

Фото М. Редина

Честь Комсомолецца

Рисунки Г. Балашова

Поезд бежал в далький путь.

Смеркалось, но свет в вагоне ещё не зажёгся. Наступала тот предвечерний час, когда уже нельзя читать и когда железнодорожные люди охотно заводят длинные, душевные и несколько отвлечённые разговоры.

Молодой лейтенант, китель которого укрывал две полочки — алая и золотая, — выгадал свидетелем ставшим о фронтовом прошлом, только что рассказав несколько интересных боевых эпизодов. В его историях действовали хорошие молодые парни и поведение их было отменно храбрым.

— Понимаете, — пояснил лейтенант, — у нас в части я отскрп комсомольского бюро, и вот готов голосу провозглаждать, что на моих комсомольцев можно полагаться в любых обстоятельствах, потому что каждый из них бережёт свою комсомольскую честь...

— А как расшифровать это понятие? Как определить, что это такое — комсомольская честь? — задумчиво, словно рассуждая с самим собой, сказал молодой человек, асевший на верхней полке.

Лейтенант подумал.

— Тут можно поговорить много громких слов, — осторожно ответил он, — но сам я, если дурачиться, скажу это так: вот и комсомолец, и я должен, всегда должен, в самом трудном случае, сделать больше, чем другие, комсомольцы. Об этом не думаю, но такое сознание живёт в тебе и на фронте.

— Превосходно сказано! — перебивая лейтенанта, воскликнула молодой человек, асевший на верхней полке. — Однажды я уже слышал такое определение, и оно очень точно. Однако и у нас на заводе ребята-комсомольцы тоже крепко дорожат своей честью.

Соседки вниз, он очутился рядом с лейтенантом.

— Позвольте, я расскажу вам один случай, который произошёл в моей бригаде. Я бригадир, комсомолец. И вся моя бригада молодёжь.

— Рад слушать, — улыбнулся лейтенант, — я только хочу сказать, что на фронте это огудно. «Должен и могу больше, чем другие» — нередко рождал подлинный подвиг. Проставьте себе, вот пять-десять человек в равных условиях действуют замечательно, безответно смело. Но комсомолец, оказавшийся среди них, девает ещё умнее — больше, чем все, и совершает подвиг. Это, конечно, самая высокая точка, и в тылу она трудно достигима...

— В тылу? — переспросила молодой бригадир, — а вы посылаете мой случай, и тогда поговорим! Учите: история эта подлинная, ничем не приукрашенная. Прочитала она на орденском Кузнецком металлургическом комбинате, в городе Сталине. Имеете ли вы представление

об этой производственной машине — о Кузнецком комбинате? Это город в городе, вмещающий многие тысячи людей. Там можно работать годы и знать только свою смену. И вот на такой комбинат попадают две девочки, две выпускницы металлургического ремесленного училища. До войны о металлургии они, наверно, и не слышали. Обыкновенно, старые подружки. Одну зовут Марусю Домбик, другую — Аня Егупова. В училище они вместе работали с учениками и действительно ничем особым не отличались.

На комбинате девочек определяют на стан 760, в нашу краснознаменную комсомольскую бригаду зовут инженера Бориса Ефимовича Чертока. В ту пору это была одна из лучших смен на заводе, и девочкам, должно быть, очень льстива слава бы одна. Но несомненно, они изю всех смен старались работать хорошо, и это им удавалось. Операции, впрочем, у них была не очень значительная: они были наладчицами. Держались они всегда вместе и даже прикрикивали, вдобав ужимки, — и вскоре они стали их прозывать «перехальщицами». Так вместе они даже в комсомол вступили в апреле 1943 года. Приняли их их окрестно девочки работаю отличню.

Рассказывая на столу умолок и вынула портрет, но не раскрыв его.

— Да, смена работала хорошо. Но было кое-что, удручавшее начальника смены и комсорга. Общим им — молодому инженеру, который и сам-то недавно был комсомольцем, и тем более комсоргу хотелось, чтобы все комсомольцы всегда были первыми в труде. И вот возникла мысль поговорить с молодёжьей сменой.

Собрали мы, значит, собрание. Инженер Черток вышел перед собравшимися и затворил о комсомольской чести. Не берусь вам дословно приводить все его речь, но, поверьте мне, что он говорил горячо и страстно. Комсомолец, сказал он, — это человек, который и лучше! А дальше в качестве примера он привёл Зоя Космодемьянскую, Лизу Чайкину, Виктора Талаалехина, — ну, словом, многих прославившихся комсомолов-фронтовиков. И тут такое началось! Буря высказываний. Все они в основном сводились к тому, что вот, мол, на фронте и мы могли бы быть героями, совершить подвиги... Заключилось это собрание очень споромерно, разговором, в том, в чём могли бы проявить свой героизм и своё высокое понимание комсомольского долга на стане 760 Зоя Космодемьянская и Виктор Талаалехин. И представьте, что этот острый вопрос поставили две мои скромные девочки — Маруся Домбик и Аня Егупова. Никогда они прежде не выступили на собраниях: стеснялись. Но за тем же разговорчиком, утверждая, что и за четыре тысячи километров от фронта Зоя Космодемьянская была бы Зоей Космодемьянской...

Совсем стеснено. Проводил вагона заглянула в купе и зажг лампочку. Лейте-

нант с интересом погладел на своего соседа.

— В общем, — продолжал тот, — с этого собрания молодёжь расходилась очень взволнованная. А через сутки случилась чрезвычайное происшествие: вышла из строя нагревательная печь № 3. Не помню, и говорил ли я вам, что на стане 760, как и на всех остальных станах комбината, кафель бронеу и спаряную сталь. Следовательно, проstoi тут абсолютно недопустимы.

Авария случилась ночью. «Ребята» — сказал начальник смены, — к 8.00 надо подогреть печь для ремонта. Это значило, что за шесть оставшихся часов предстояло разобрать и выбросить вон огнеустройствую камеру такой габаритных труб. В общем, чтобы не утомлять вас техническими подробностями, скажу коротко: дело несласное, если бы печь успела остыть. Печь стылала. Они стояли, распахнув все люки. Это было с закрытым сводом, и ремонтировать её считалось возможным только тогда, когда она остынет окончательно. Но в 2 часа той ночи, о которой идёт речь, температура печи № 3 была очень высокая. И вот-вот началось сменным инженер Черток скомановала: «Начальная работу!»

Первыми на печи № 3 стоял сварщик Тыршички — молодой парничок, некомосомолец. У него была репутация одного из лучших сварщиков смены. Своё задание Тыршички неизменно выполняла на 130—150 процентов, и фамилия его не сходила с доски почёта. Он любил работу, и никто не мог бы его обвинить, что он ленив или равнодушен к своему делу. Но в печи было 200 градусов выше ноля, Тыршички неуверенно заглянул в нижний люк, поправил свою бронеу, колом стонущую спешную, подглянул рукавицы и полез в отверстие. Невольником жар полхнул ему в лицо. Тыршички выкинул несколько кирпичей. Губы его сразу зашелели, лод, стурившись по лицу, раздвела кожу. Он выскочил из люка и присел на цоклолу. «Жарко!» — тихо объявила он подполшему начальнику. «Жарко, — подтвердил тот, — а всё-таки надо...»

И видел, как Тыршички потупила глаза, покосился и полез опять, но выкинул ещё несколько кирпичей, он снова выскочил из люка. «Не могу, Борис Ефимович!» — жалобно сказала он. «Переходи маленько!» — ответил начальник. Тыршички отворнулся. И тогда мы оба, инженер и я, поняли, что Тыршички уже не придувать себя в третий раз залезть в это печко...

Лейтенант взглянул на рассказчика.

— На фронте у нас, — пояснила она, — на такие дела вызываются обычно первыми комсомольцы.

— Хорошо, — миролюбиво согласился бригадир, — но ведь пех — не фронт. На фронте на каком-либо участке вы заняты

одним делом, а здесь у каждого свой. Отверн человек — прыгнул на его участок, простей. Но не будем отвлекаться. Охотники, конечно, нашлись, и вы, несомненно, уже догадываетесь, что это были «перезаучники» — Маруся Домбик и Аня Егупова. Они побежали к начальнику смены и, как всегда, застенчиво оклинули его: «Борис Ефимович, у нас своей работы сейчас нет. Можно, мы попробуем?» Изумленно и, пожалуй, испуганно взглянул на девушек инженер Чертов. Потом он говорил мне, что ни одна девушка никогда, даже при оставшей печи, не давала такой работы. Но раздумывая было молча. «Да ведь вот Тырышкини не смоги», — неуверенно заговорил начальник. Девушки переглянулись. «Так мы же комсомолки» — вдруг решительно сказала Маруся, а Аня опять повторила: «Позвольте попробовать. Мы сможем!». И, необычайно оживившись, они тут же вдвоем побежали куда-то, потом вернулись, напялив на ходу огромные, неуклюжие рукавицы, и полезли в люк.

«Не смогу, не вытерпеть», — слышу мне инженер. Мы не двигаемся с места. Начальник вытучил часы. Я никогда не видела, чтоб минушка стрелка двигалась так медленно.

Прошло пять минут, восемь, десять. Из люка методично вылетали кирпичи. Не стоварившись, мы оба, Чертов и я, нагнулись к открытому люку. «Пусть кто-нибудь подбирает и складывает» — крикнула одна из девушек, и мы не разбирая, которая из двух это говорила. Тырышкини, не

дожидаясь приказа, побежал к своей печи. Не глядя на нас, он начал быстро складывать выброшенные девушками расклеванные кирпичи. Ещё через пять минут девушки вылезли из печи. Лица их были багровы, губы посерели, потрескались. «Этот так мы и будем», — сказала Маруся, — передохнём маалость и опять...» Они отдышались, выжили воды, забоянно приносили им кем-то, и снова полезли в люк.

— Ай да девочки! — не выдержав, восхищённо воскликнул лейтенант.

— Всё ночь пробыла я в духу, — продолжил рассказчик. — Печь шла медленно, негорюлаво, неохотно отдавая градус за градусом накопленную температуру. Но девушки работали. Это действительно была настоящей подвиг. Созналили ли это сами девушки? Не знаю.

Ровно в 8.00 утра работа была закончена. Десять кубических метров горячего кирпича было разобрано и вынута из-под галесажных труб печи № 3. Девушки в последний раз выпрыгнули из люка. «Теперь в мойку, в душ, в душ» — крикнула Аня, и обе они побежали, не оглядываясь, даже не вслушиваясь в то, что кричала мы им вдогонку. Впрочем, они услышали это в ближайшую же ночь на очередной производственной латинкутке, которую, как всегда, проводил начальник смены. По установившемуся обычаю, он сначала коротко сообщил последние новости с фронта, затем привёл какой-то случай, взятый из свежей газеты. Это было описание боевых дел комсомольцев-фронтовиков. И тут, словно перекидывая пер-

вымый мостик от фронта в свой цех, Борис Ефимович сказал: «Сегодня ночью наши две комсомолки — Егупова и Домбик — вместе с фронтовым комсомолом участвовали в наступлении на врага. Они крепко постояли за комсомольскую честь нашей смены. Они действовали так, как надлежит действовать настоящим комсомольцам. Слავа им!»

Я глядела на лица рабочих смены. Они были радостны. Но лучше всех выглядели мои девушки. Обе они стояли взволнованные, счастливые и почти такие же раскрасневшиеся, как утром, когда вылезали из-под расклеванного печного свода. И я держу пари, что они готовы были бы ещё пять ночей провести в огнемдавшем зеве печи, лишь бы снова испытать вот это чувство «большого», и эту заслуженную гордость, и это сознание своей безграничной и полной принадлежности к комсомолу...

Рассказчик умолял. Открыл, наконец, свой портфель, он закурил папиросу. Слегка прикурившись, в раздумье глядел на лампочку лейтенанта.

— И много у вас на заводе таких девушек и юношей? — спросил он.

— Конечно, много, — просто ответила его собеседник. — Комсомольцы нашего завода — настоящие фронтовики...

— Да да, — подтвердил лейтенант, — ваши девочки правы: Зоя Космодемьянская везде была бы Зоей Космодемьянкой.

Он помолчал мгновение и добился:

— Спасибо вам за вашу историю. Я расскажу её моим хлопцам на фронте.

Они отдышались и снова полезли в люк...

КАВКАЗ

«Лучше смерть, но смерть со славою,
Чем бесславных дней позор»,

(Шота Руставели)

Сварьга снежной седины,
В легендах, песнях и рассказе
Оно предстало правдою истой,
Лицо скульпстов Кавказа...

Здесь Пушкин, шумные пиры
Самовя на горных склонах,
В минуты горестной поры
Нашей приют и вдохновенье.

Здесь Лермонтов кипел в бою
И, проведя изгнанный год,
Как мать, как родину свою,
Воспел суровый край свободой.

И, как родная небеса,
Нам стали близкими навски
Его сады, его леса,
Его стремительные реки.

К себе манит он вновь и вновь,
Здесь вина бродит пенным соком,
Здесь нефть по жилам, словно кровь,
Бурлит немолчающим потоком.

Стоит он, наш Кавказ родной,
В цвету садов и брызгах ручеек,
Улёгся в небо голозой,
Как богатырь широкоплечий.

И никогда и никому
Не завладеть его судьбою.
Мы помним дни, когда к нему
Шёл враг звериною ордою.

В тот грозный час иероды гор
Клялися клятвою величайей:
«Чем нам бесславных дней позор,
Нам лучше смерть, но смерть со славою».

Игорь Губанов

★ ★

Лунный байкал, такий свет стеклянный
Отблеск улички села,
Разместилась с краю, у поляны,
На зенит нацелив зев ствола.

У крестьян за стальной осевой
За два года первый мирный сон!
Струны трогая, поёт сосед-замковый
О Железняке и про Херсон.

...Да, Херсон... Одесса... Николаев...
Замерцавший клавирами Буг...
Жизнь моя весёлая была!
Институт, Студентов шумный край.

Не тускней, ваденье золотое,
За туманной маршей в тростниках,
За тобой неутомившей втрое
Ряпукс я без усталы в ногах!

Помню бронзу неба Сталинграда,
Обжигавший ветер под Орлом,
Баларусь теперь пройди мне надо,
Думая о крае золотом.

Чуть сверкнёт рассвет по снежной сини,
Вырвется контуры ветвей,
Загудит на Стелю и на Пале
Басовое ахо батарей.

И узнают немцы: «Рокоссовский!»
Им давно мой генерал грозит.

В жёлтом облачке луна висит над вёскою.
Не струна, а лунный свет звенит!

В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Фото М. Озерского

Московский университет — один из старейших высших учебных заведений нашей страны. Создаваемое его был великий русский учёный Михаил Ломоносов, имя которого и присвоено университету в 1940 году.

Десятки выдающихся учёных и писателей — воспитанники Московского университета, в их числе А. Герцен, М. Лермонтов, Т. Гравковский, И. Сеченов, К. Тимирязев.

Весной 1942 года, когда немцами бомба разорвалась у стен университета, фашисты овестали мир, что Московский университет «стёрт с лица земли». Их радость была прервана: фашисты, своевременно эвакуированный в Среднюю Азию, продолжал там свою работу. Осенью 1943 года он вернулся в Москву и приступил к занятиям в заново отремонтированном помещении.

В университете работают гуманитарные факультеты, несколько институтов: философский, философский, юридический, философский, юридический и экономический.

В этом году приток студентов был так велик, что отбор их производился по конкурсу. На старшие курсы возвратились студенты — участники Отечественной войны. Многие из них отличились в боях и награждены орденами и медалями.

Напряжённой учебной наполнен каждый университетский день. Тысячи юношей и девушек готовятся здесь стать специалистами в разных областях науки и техники. Свыше 800 тем разрабатывают в лабораториях научные сотрудники Московского университета. За годы войны университет работал над многими проблемами, имеющими крупное военное и народнохозяйственное значение.

Надзорная работа Московского университета получила высокую оценку советского правительства: в 1943 году 11 профессоров за свои труды удостоены звания лауреатов Сталинской премии.

С началом учебного года создано несколько новых кафедр, званиями студентов с последними достижениями советской науки. С увеличением работы студентов физическое институте на кафедре выдающегося учёного академика П. Капицы по физике низких температур и профессора В. Шуваева по физике земной оболочки земли. Будущие зоологи изучают интересное исследование академика М. Завдовского по многоплодию животных.

На наших фотографиях показан один из факультетов Московского университета — физический факультет. На снимках: молодые студенты на лекции в большой физической аудитории (первый снимок сверху), на практических занятиях в физическом кабинете (3-й, 3-й и 4-й снимки) и студенты в читальной комнате факультетской библиотеки (снимок внизу).

«Поединок перед Куринской битвой».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

В полуразрушенном станичном клубе сидела дедовый козлов. Слово было старым — каждое слово превращалось в столбик пара.

Колхозники сидели плотно, тесно, выпалили из руки. Чадили коптилки. В их слабости, мерцающем свете лица станичников задалась новому председателю козлова — Алексею Саврасу — ещё сумрачнее.

Он не был здесь почти два года. Много городов и деревень прошёл он от Волги до Дона, много гора перевалил он в разграбленных, сожженных ютлах полами сбавил. Зацепился Сталинград, Алексей поучил два тяжёлых ранения. И вот теперь он снова в своём родном козлове, когда-то богатом и цветущем..

Алексей вышел на середину, снял военную фуражку, привалил волосы и сказал: — Так вот, товарищи. Весна не ждёт, надо сеять, — он посмотрел на гёмыне, забытые фанерой окна. — Нелегко нам будет, верно. Но в эту весну мы пахат и засеять будем своё землёю.

Колхозники молчали. Да была смутно бедады залучившие лица. Да и было над чем задуматься! Немцы совершенно разорили козлов. Дома сожжены. От конюшни остались один стень.

Выждав минутку, Алексей продолжал:

— И надо нам засеять в эту весну нам много, ни мало — тысячу триста гектаров. Исно, товарищи?

— Оно, конечно, ясно! — негромко отозвался пожилой колхозник Василий Кривдун. — Сеять надо, только вот тягла нет, семян тоже нет, чем сеять будем?

Женщины зашумели, завывалились. Всем захотелось высказать своё, болеющее.

— Потине, бабочки! — остановил их Саврасов. — Я тебе вот что скажу, Василий Кривдун! Я на фронте был. Там честно случаются: надо взять деревню, а из неё немцы вонес лунки. А может бойцы под огнём, уткнулись носами в землю — где уж тут её взять? Но взять надо, понимаешь, надо! И компания придумывает поход, маневр, и люди встали под огнём и вышибают немца из деревни к чортовой матери!

Старик с нежиданной живостью снова вскопал:

— С немцем я тоже воевал, когда тебя ещё и в помине не было. На фронте у тебя и винтовки, и орудия, и танки, и бутурки летские. Принадлежит к местности и дёклетув! А у нас что? Лемехи с неба свалились? Лошадки курсы высидают? Земля сама вспахается?

Собрание повеселело, послышался смех.

— Земля сама не вспахается, — спокойно ответил Саврасов, — а вспахает её Василий Кривдун. Вспашет, потому что надо гнать немцев, потому что пятеро сынов его на фронте. А к местности мы тоже думаем приходить..

Вдруг неожиданно для всех с места поднялся ещё молодой женщина с изурнанным лицом старухи:

— Я скажу так: смеяться нам нечего. И лошадей хоть курсы не высидают, а найти можно. Немцы, когда бежали, тут целый обоз на шоссе бросили, повозки валяются, кобы в лесу бродят.

— Верно, верно! — закричали ребята. — Не кони, крысакки!

После собрания председатель возвал станичную молодежь.

— Давай, давай! — пошукал он лошадей. — Давай..

Рис. Г. Валько

— Вам, ребята, — сказал он, — я два особые спешивания: надо походить по полям, по лесу, поймать брошенных немцами лошадей.

Рано утром ребята, гордые поручением, с обозначенным видом разбрались по окрестным полям — выполнить «спешивание». И не проходило дня, чтобы кто-нибудь из них, возвращаясь домой, не вёл на повозку лошадь. Это всё были исхудавшие, иногда раненые, едва передвигавшиеся на шатких ногах клачьи. Лошадки разместили по дворям, их осмотрел ветеринар и назначил каждой лечение. Женщины и ребята стали выхаживать «рыскаков».

Скоро в козлове набралось около полутощи лошадей. Теперь председателю забавляло мёртвые, застывшие в углу козлов дворца тракторы. Он вызвал трактористов Козлова и Расстегаева и потококозвал с ними подумам:

— У нас в станине застряло с осени семь тракторов. МТС разорена, помочь не может. Давайте, механики, выходить из по-

ложения! Давайте применяться к местности!

— Как же тут применяться, когда нет запасных частей, нет ни шуручка? — сказала Козлов.

— А вы пошарьте по полям, — ототётил председатель, — там немецкой техники много валяется.

Козлов и Расстегаев взялись за работу. Они копались в воронках от снарядов, перебирали обломки немецких самолётов, рылись в подбитых танках и гтягах, разгладывали каждую тяпку, не годится ли для ремонта.

Набрали груды разных частей, они приступили к ремонту. Честно говоря, это не был ни капитальный, ни ородий, ни даже текущий ремонт. Но основное было всё же достигнуто — тракторы приводили в порядок.

Алексей Саврасов радовался. Кони входят в силу, тракторы — на ходу. Но тут его стало тревожить другое: если всех лошадей и все тракторы поставить на пахоту, то не на чём будет подвозить семена, вогу, селу, торфиче.

«Как быть?» — думал председатель; он собрал в правлении колхозники:

— Давайте, колхозники, попробуем приучить к новой специальности коров. Научим их ходить в упряжке.

Первое время коровы боялись, колотили хвостами и мчались куда понало, не разбирая дороги. Но колхозники не отступали и продолжали вести обучение. Через месяц коровы послушно везли телеги с лёгким грузом. А на некоторых, самых сильных, можно было даже пахать и боронить.

Алексей не знал отады. Ему казалось, будто он снова на фронте. Используя, крепотью, рассчитаво наваливая на он сёмь. Вместе с колхозниками он отаскивал зарядные в ямки, на ородах спринтанные от немцев запасы зерна. Организовав кузницу, где приваривались лемехи, ковалась зубья для борон. Зобитаси о сбрью, вёдер, лосжек, чинилась. Некоторым работам с холодом. Мария Годына, например, часто опаздывала на работу. Алексей сделал ей замечание.

На расвете к Марии постукались. Она быстро оделась, отворила дверь. На пороге стоял председатель.

— Спишь? — сказал он. — Вот что, Мария, давай, топи телечку!

Мария оторопела:

— Что ты, председатель!

Алексей шагнул в комнату, сел на табурет, поглядя на спищих ребят:

— Топи печь, Мария! А то опять на работу опоздаешь. Топи!

Пришлось расстегивать пояс. Когда дрова разгорелись и папила весело загудело, Мария взмолилась:

— Мирнонь, без тебя управлюсь!

— Ладно, ладно, хозяйствуй!

И Алексей не ушёл от Марии до тех пор, пока она не накормила ребят и не вышла вместе с ним на работу.

После этого случая Мария старалась не опаздывать.

А дни бежали, хлопотливые, полные забот и гряды дни. Хмурые дни уступили место солнечным, зноющим. Сошла снега,

пропела свою песню весны ручьи. Земля подскока. Председатель осмотрел тёмные, подбурившие паром поля: «Пора в наступление! Весна не ждёт!»

Ранним весенним утром, громящая гусеницами, влодь умами винулились тракторы. За ними шла лошадей. Они ткнули лапы к приподнятым новыми амехам. Рядом с одним из прежних «одров» шагала Василия Кривдун.

— Давай, давай! — поужал он лошадей, помахивая хворостинкой. — Давай...

Начиная с того погожего весеннего дня и до самого конца сева председатель нельзя было найти в седнице. Ни одной ночи он не ночевал дома. Он всё время заходил в поле, в бригадах, с пахарями и сельскими. То пешком, то в бричке, запряжённой коровой, передвигался он с участка на участок. Шапка на чёрной земле, фуражка свинута на затылок, безусое, молодое лицо уже успело загореть.

На одном участке таракат трактора. Они то и дело останавливаются, многотерпеливые механики принимают снова чинить их, и, глядяши, тракторы, крахти и ворчи, снова ползут по чёрной земле.

В другом конце пахут на лошадей. Председатель заглянул туда по вечеру. В предвечерних сумерках тёмнеи слыуаты лошадей, слышны были голоса пахарей. Мимо Алексея прошёл, навалившись на плуг, Василий Кривдун.

— Здравствуй, дядя Василий!

— Здорово!

— Ну, сколько вспахаю?

— Всё, что ни вспахаю, — всё наше, — горделиво отозвался старик, не останавливаясь.

— А знаешь, сколько ты сделал сегодня? Гектар и двадцать соток! — сказал Алексей.

Кривдун помолчал, потом переспросил:

— Ты часом, не обещался? — и прикрикнул на лошадей: — А ну шель, леший, дышай!

Работа кипела, но лошадей всё же было мало, а земли много. Алексей смотрел на невозможные просторы, спрашивая себя: как быть?

Но как ни прикидывал председатель, как ни «применялся к местности, добрая сотня гектаров оставалась незерадной. Тогда Алексей стал изыскивать резервы. Он снова собрал женщин. Колхозницы взялись поднимать землю тилками.

— Хотя и не выйдет у нас глубокой вспашки, а засеять землёю надо, — и председатель сам дернул взлечь за тилку.

Дело пошло. На этом «распаханном» большом участке колхозники посадили кукурузу.

Так на земле, ещё не оправившейся от недавних боёв, на полях, изрытых воронами и окопами, шло напряжённое сражение за хлеб.

Сражение это закончилось победой. На собрании, посвящённом итогам сева, колхозники встретили председателя доглыми, шумными, аплодисментами. Они успели похвалить своего неутомимого молодого хозяина.

Он вышел на середину, снял фуражку, пригладил волосы и сказал:

— Вот что, товарищи! Мы с вами отложимся от лавина. Нам полагается засеять 180 га, а мы засеяли 140 га. Где тут Василий Кривдун? Что теперь скажешь, дядя Василий?

Старик сидел в толпе, но не отозвался, будто его и не было. Только, когда уж расходились, он, свёртывая цыпурку, сказал Марку Голдню:

— А председатель-то у нас даром что молодой, а бивокитый. Сразу виднать, под Сталинградом воевал: умсет применяться к местности.

Ленинградская весна

Ленинград! Сколько раз прозвонилось прекрасное, гордое имя города-воина защитниками, бойцами в эти годы и теперь, в дни боёв за его полное освобождение.

Ночь. Бесконечным потоком идут машины с фронта и на фронт. Свет фар вырывает из мрака очертания страшных развалин, обугленных русских деревьев. Немцы называют свои кабина «ридоф» — место успокоения. Нет, это — место позора Германши! Страшны злодеяния врагов, земля вывернет прочь их волюх кости!

— Ночной привал. Разговаривают пригородный костёр. И снова в который раз начинают сокращенная беседа о Ленинграде. Говорят о семьях, о любви, о прерванной мирной жизни «Разгромим немца, вернёмся в родной дом! Говорит о силах, чудесных техниках, о Дворце Советов и мосте, которое начали прокладывать в Ленинграде перед войной... Догорим, всё обязательно догорим!

Шофёр истерично нажимает на клаксон, грузовик финиш, нас ждёт Ленинград!

Светает... Дорога рядом с эскимовым в мелкую брону залитом заливает белый светом.

Мы видим Кронштадт. Два с половиной года его разглагольствовали немцы, два с половиной года его и Ленинград обстреливали оседа вражеские тяжёлые орудия.

По бокам дороги измощно укреплёнными рядом разбитые немецкие танки. Они завязли здесь ещё осенью сорок первого года, когда моторизованные тигровские полчища были остановлены Красной Армией, Ваффлтоном, населением у самых стен города.

Стрельня, Володарка, завод «Шпильш», где замурованы в подвалах немецкие орудия, стрельнящие оседа по городу.

Мёртвые, испеплённые места, чёрные трупы...

Вид на взморе скрывает туннели на десятки метров странная изгородь — это веренищ рабских ленинградских трамваев, листы кровельного железа на проволоке. Но маскировка не мешала невдоцкам-балтийцам быть прищельно, об этом свидетельствуют остовы немецких автоматов, валиющихся у дороги.

Сейчас здесь стретительное движение. Надпись на перекрёстке: «На Петергоф», «На Красное Село». Молодёжия ретугированца сигналил балками, предв возмущивается из-под ушанки, а в глазах дозвучки весеннее солнце.

Город близок. Вот стоит увелиешия кеде рекламные плакаты, но рядом чернеет надпись: «Милые», «Милые».

Ленинград! Патруль проверяет документы.

Вот величавый Кировский завод, выходящий все испытания. Здесь, на расстоянии четырёх километров от немцев, под постоянным обстрелом ковалл тировым оружием все эти тридцать месяцев оседа. Сегодня деки Кировского завода выгаляют обволабными, праздничными.

Подъезжаем к Трёмшарным Наревским воротам, они были воздигнуты нашими правдами в месь 1912 года. А теперь, когда бойцы Ленинградского фронта возвращаются победителями в родной город, кажется, что эти колаши воздигнуты в их честь, что это их осеит своими крыльями Победа.

В городе много перемет. Авдям, не бывавшим в Ленинграде в течение последних месяцев, изменения особенно заметны.

На улицах появились множество детей, которых родные правде пригнали от обстрелов. Весёлые, розовощекие, они халютят по весенним лужамм сквера. Невский проспект заплоен пешеходами. Трамвайные остановки возродены на прежние места. Но на авдьяле на углу Невского и Садовой, у Литейного, на пощади Искусств выкопаны здесь пролила невинная кровь ленинградских женщин, стариков, детей.

Но проспекту везут плахины немцев. Видно миро акри Главного штаба, мимо Искусствского собора, по которому они ещё недавно стреляли как по ориентиру.

Немцы мечтали пройти по нашему городу, и вот теперь их жвашия испепляюся: они прожуют по городу под каминами тысящ ненавидящих, тивных глаз!

Ленинград прекрасен. Он удивительно подлинут и чист. Тротуары выскреблены до блеска.

В городе идут большие восстановительные работы. Одним из первых реставрированы разрушенное фашистской бомбой крыло Дворца оперы и балета имени Кирова. Скоро опять взмахнёт палочкой знакомой селой дирижёр, в зал халнет музыка Чайковского, ленинградцы увидят Гаину Уляшову.

Восстанавливается здание Главного адмиралтейства. Это сама история флота, символ города — отчеканенный на металле «За оборону Ленинграда». Десятки фашистских бомб и снарядов взрывают замечательное творение великого зодчего Захарова.

Восстанавливается за Адмиралтейско-коллегии, чья ценнейшая роспись была повреждена. Без специальных лесов на узком карнизе стоит скульптор Травулянский: он реставрирует барельефы работы знаменитого русского скульптора Теребенюва.

Игла Адмиралтейства ещё закрыта защитным чехлом, но близок час, когда она засверкает, как золотой меч, выхваченный из ножен.

Настанет день, когда и Пётр I, сткннув ленужные ему более защитные мешки с песком, снова появится над Невой.

Восток в Балтике бьёт в лицо, нежная весна над городом.

На главных улицах люди хлопочут у фонарей: восстанавливается освещение основных магистралей.

Мы идём мимо Октябрьского вокзала. Паровозный гудок! «Через пять минут скорый поезд отправляется в Москву!» Сердце дрогнуло от волнения.

Проезжает медь внальце, к Авроре — усыпальнице Александра Невского, Суворова, сотен замечательных людей. К простому солдатской могиле Суворова подходит гвардеец. Воины опускаются на колени — идеи сберечь кавалит Суворову, клятву родины, они сберегли Ленинград.

Идём мимо маматников. На белом мраморе могилам композитора Бородина выбиты золотом первые такты его «Богатырской симфонии». И мне кажется, что она звучит здесь в чистом вечернем воздухе.

Мы долго стоим у могил знаменитых летчиков. Пропеллеры на памятных рывках вьются. Бой не окончен, душа не успокоена.

Мы прощаемся с тобой, богатырь нашей земли, Михаила Плоткина, проложивший на скоростном бомбардировщике путь в Берлин.

Прошайте, погибшие, живые салютуют вам!

А рядом с Авророй, в ярко освещённом зале, сотни глаз устремлены на сцену. Там идёт спектакль Театра Краснознамённого Балтийского флота, там парит удары врага, отвечает презрением на измену поэта и воина, герой Ростова — Сирого любовь и доблесть гасконских гвардейцев удивительно переживает с тем, чем живём мы сейчас.

Слушается ночь. Но город не спит: напряжённо работает у станка рабочий, архитектор, склонившись над столом, чертит проект новых чудесных зданий, музыкант подбирает созвучия, поэт слагает стихи о своём любимом городе.

Капальный звон над Невой, бьют скалки. Кораблям не долго стоять здесь: скоро они пойдут в вольное, родное Балтийское море.

Окна домов замаскированы, но за ними свет жизни. В первых этажах зданий пулемётные амбразуры. Мы разберём их окопы на кирпичи, но одну или две амбразуры оставим как память о пережитых грозных днях.

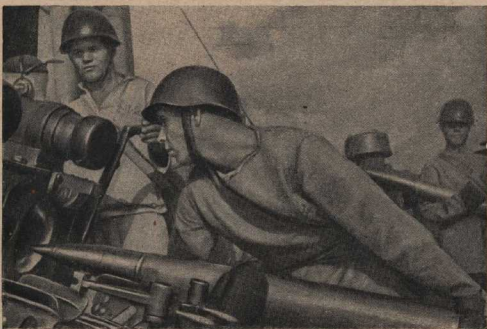
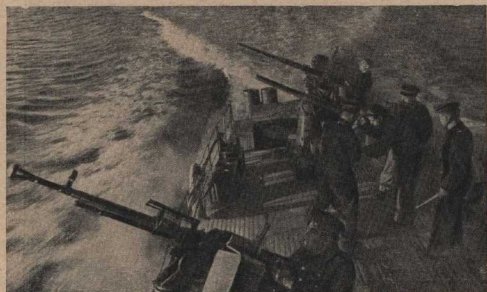
«В тёмных пни и пулемётов,
В гвал небес, в моря влеком,
Ты в двадцатый раз, в двухсотый
Прявьшь трезину над врагом.
Неомающийся поколь
И негнущийся булат —
Город вечности — Петрополь,
Город жизни — Ленинград!»

Март 1944 год.

Таков Ленинград сегодня, великий город-герой, гордость и красоту которого не смогли долгие месяцы блокады. На снимках: сверху — у Нарвской заставы — самоходные пушки идут на фронт; в центре — плакаты-предупреждения об опасности артиллерийского обстрела больше не нужны, — их закрашивают; внизу — пленные немцы на улицах Ленинграда.

Фото Б. Кудярова

Игорь Во

ДОРОГА

Керченский пролив... Как обманчива эта пейзаж! Редко бывает пролив так тих и безмятежен. Его глубокие воды таит в себе смерть: они начлены пловучими минами. Над его волнами днём и ночью кружат немецкие самолёты. Морские фрицы на катерах пытаются преградить путь с Ямани в Крым.

Напрасно! Флаг поднят — и катер отправляется в путь. Морская дорога открыта, Азовым и черноморцы — мужественные, отважные моряки. Они не дают врагу ни минуты покоя.

Если путь преграждает немецкий корабль, катера идут на таран. Если на пути попадается самоходная баржа врага, её берут на бордаж. В любую погоду, в дождь и в шторм, от берегов

НА СНИМКАХ:

Слева (сверху вниз): 1. Флаг до жметя — катер выходит в боевую операцию. 2. Главные артиллерийские орудия по берегу, ещё занятую врагом. 3. Артиллерийский постинженерский.

В центре: Керченский пролив. Справа (сверху вниз): 1—2. Н днём и ночью работает переправы. Стрелки, продовольствие, текёт в Крым... 3. На крымском берегу. Стрелочный бросок вперед!

Фото А. Соколенко

Игорь Всеволожский

ДОРОГА В КРЫМ

пролив... Как обманчив этот пейзаж пролив так тих и безоблачен, воды таит в себе смерть: она инициальная. Над его волнами дымят и немощи самолёты. Морские фригаты пытаются преградить путь с Дамаска

Даже поднят — катер отправляется в дорогу открыта. Азовцы и черкешенцы, отважные моряки. Они не минуты покоя.

отражает немецкий корабль, изобретения. Если на пути покаяется самолёт, её берут на abordage. В люках дождя и в шторм, от берегов

Большой земли отчаливают катера, баржи, моторные боты. Многие изобретения провалились там, что совершают в день по шесть, восемь, двенадцать рейсов в Крым. По горло в воде, под огнём самолётов морские выгружают на крымском берегу продовольствие, снаряды, патроны, гранаты.

На помощь войскам, уже высаженным в районе Керчи, пришла черноморская морская пехота. Немцы называют её «вёрной молотилкой» и «вёрной смертью». Она приходит внезапно, как пожар. Морские вырастают из бушующих волн. Для них не существует преград.

Сквозь кольцо изходящего иступления вокруг немцев, их приспособлений — гранат и авиаракет. Фрицы ползут в лодку. Ничто им не помешает Гитлер бросил их гонимые в Крым.

Е. Федянин
ГОРЬНЫ

Горьны — старинная река...
Здесь, по преданию, жил когда-то,
В давню мажурине века,
Горьныч лютой, змей крылатый.
Но русский чудо-богатырь
Сразил в бок ликого змея,
Бодрых лесей простор и ширь
Освободил от лиходея...
Прошли века... И лютой змея
Опять пришло в поля Волыни,
И богатырский русский шаг
Вновь загремел у вод Горьны...
Там, где течёт Горьны-река,
Родимый край огнём овеян,
Прохочет бой... Недалека
Победа над проклятым змеем!

★

А. Соколовский
МЫ ДОПОЕМ!

Раскатали походные шинели...
Кombat сказал, что нас поднимут в пять,
И мы любимой лесни не довели:
Она длинна, а людям время спать.
Нам завтра в путь. На громкий зов тревоги
Откликнутся степные ковыли,
И ласковые ивы у дороги
Покажутся солдатам до земли.
Мы отстоим свой светлый лесок
И право тех, кто рядом с нами спит.
Родных имён невнятных слова
Идёт за нами по дорогам баян.
Мы доведем! В поля прольются слезы.
И в второй песне, сквозь пургу и дым,
Россия нам, как мать, протрет руки,
Своим солдатам — сыновьям своим.

Действующая армия.

★

Вячеслав Колобов
ПИСЬМО

Мой письмо пришло назад ко мне
Нераспечатаное, без ответа...
Настроено, тревожно в тишине
Бьет маятник.
Как долго до рассвета!
И стало, сам же знаю почему,
Мне холодно в пемфротовой квартире,
Хотелось распахнуть окно пошире,
Кричать хотелось от тоски во тьму.
Письмо вернулось...
До зари сидел
И думал я о том, что не сумел
Сказать всего, что нужно, в зыбь прощания,
Сказать, что мы расстанемся не могли,
Шепнула ты «Милый»...
А «До свиданья!»
Я не расслышала — танки мимо шли.
И вот письмо пришло
И твой остался след.
Какой мне мезалья мстить за злое дело!
Письмо вернулось,
Мне ответа нет,
Уже ты жила — там всё дотла сгорело.

Действующая армия.

Рассказ*

Рисунок Г. Валька

Никто теперь не вспомнит, когда и почему завелась у нас мода на ножи. Это было очень давно, в начале войны. Мы были тогда совсем молоды, а теперь о нас говорят старые лётчики.

Ножи стали делать из обломков металла наши мотористы и техники, изобретавшие то новую форму клинка, то особые желобки на аскавлях, то какие-то несоблаконовые расщетки рукояток, набираемых из кусочков пластмассы. Появились истинные художники этого дела, умевшие дать такую такую красоту и легкой узор из стальных, желтых, зелёных и всяких иных квадратиков и колец, что, право, рукоятка ножа играла подобно радуге.

Умелчичи скоро прошли, а ножи у большинства остались. Сейчас трудно сказать, кто в полку является обладателем красивейшего ножа, но, несомненно, самый скромный принадлежит Ване Пучкову. Это — грубо сделанное охотничье оружие, в засоснившихся и приобрешших суровый коричневый оттенок сырмятых ножах. Пучков раз навсегда привязал этот нож тонким кожаным шнурком к поясу, и наивно техник Рябошапка, друг и почитатель нашего знаменитого однополчанина, приговаривая Ване в поварок несоблаконовые красивую финку — Пучков остался верен старому неказистому ножку, с которым появился в полку в начале нынешней зимы, когда выбрался, раненый, из немецкого тыла.

Это целая история. Случилось так, что немец из протравленного «мессершмитта» и Пучков из своего «яка», названного гореть ещё раньше, чем Ваня превратил противника правой плоскостью, — что оба они выпрыгнули одновременно и закатились рядом каждый под своим парашютом. Их раздала какой-нибудь десяток метров чистого, морозного воздуха, над ними было туго натянутой на невидимые стropy голубой шок небосвода, а внизу ждал их строгий и тёмный русский лес, украшенный по ветвям клочковатой седкой снега.

По воле ветра то немец, то Пучков оказывались выше или ниже, иногда расстояние между ними увеличивалось, но всё же они парили в одном направлении.

Пучков едва только увидел немца живым, ощутил облаку, зыбкую жестокость, что испроизвольно вскрикнул и рукой рывнул было пистолет. Необычайное напряжение ненависти, которое нужно лётчику, чтобы сокрушить вражеский самолёт гелем соб-

* Из серии «Мой друг Пучков».

стенной машины, всё ещё бушевало в его душе.

Но цистерна на его обычном месте, с правой стороны на посе, не оказалась. И первый посе был разорван и тогда товарищам на одной из них поругались. Пучков взглянул на немца, которого шокольный зонтик поднял совсем близко, взглянул и увидел в его руке наведенный пистолет. Пучков вдруг встал, и немца, выходящего из машины, сделал такое движение, будто хотел схватить его руками. Всё высшее на стронах туловище немецкого летчика открытую в сторону.

Немец снова налёв пистолет и выстрелил. Он стрелял лоуха. Грука его дрожала, а на душе становилось жутко в те мгновения, когда капризный ветер обжигал кожу парашюта, падавшего с высоты. Пучков. Он ещё не пришёл в себя после того страшного, что произошло несколько минут назад, когда этот русский сокрушил его самолет плоскостью собственного самолета. На великий случай немца стрела.

И вот он увидел, как поднялась огромная окровавленная рука и раненый русский угрожал ему.

Пучков упал в снег, очутив в простерзанной руке он не чувствовал. Он отгнул меховую рукавицу и увидел, что на снег из неё вытекает светлая струя крови. Озирались и прислушивались, Пучков несколько ступил в сторону руки, ища крови. Он не заметил, где приземлился немец, но понимал, что должно быть, близко. Поднявшись, немцу было трудно, он пошёл в ту сторону, где он слышал шаги немца. Он не заметил, где приземлился немец, но понимал, что должно быть, близко. Поднявшись, немцу было трудно, он пошёл в ту сторону, где он слышал шаги немца.

Лес молчал. Здесь, среди мохнатых елей и прямых обожжённых сосен, ветра не было. Пучков шёл от дерева к дереву. Лесной раненой руке хватало воздуха в груди. Правой рукой из стороны в сторону Пучков сохранял устойчивость. Идти было трудно: унты погружались в рыхлый снег. Сделав несколько шагов, Пучков останавливался и, оглядываясь назад, шел.

Вдруг он увидел парашют, брошенный на снег. От него веял следы. Пучков, пританцовывая, смотрел на них. И ему стало смешно: по следам он понял, что немца было.

Дальше он пошёл вдоль следа, хоронясь за деревьями. Вит на руке стал розовым. Рука отяжелела. Пучков слабел. Он нагнулся, чтобы зачерпнуть ладонью снег. В эту секунду над самым его голодом взвизгнула пуля. Не разгибаясь, Пучков посмотрел в ту сторону, откуда доносился выстрел. Немец, положив пистолет на лопатку левой руки, продолжал целиться. Пучков прыгнул. Не назад и не в сторону прыгнул он, а вперёд, на немца. Тот машинально спустил курок, и пуля, должно быть, вошла в ствол того дерева, за которым находился немца.

Немец что-то крикнул. Пучков уловил секунду, когда он оторвался взгляд от мужика пистолета, и снова прыгнул — вперёд, ещё ближе к немцу.

И тогда человек с пистолетом побежал. А Пучков, поспевав по следу немца, громко ругал его.

— Эй ты, дерьмо куриное! — кричал он. — Всё равно поймал!

Так велико было в нём презрение к врагу, что не задумываясь, бежал он за оружиями немцев. И так, должно быть, велико было в немца удивление, увидевший русский, который вылезал собственным самолетом в его машину, а теперь, безоружный, шёл на пистолет, что немца бежал от русского. А когда он увидел следы, что огромный человек с окровавленной рукой, прижатой к груди, неотступно идёт за ним по глубокому снегу, и среди бледной, ругавшейся земли, как медведь, раненый незадачным охотником, идёт неотвратимый, как смерть.

Немец скрылся за деревьями. Остался один след его. Пучков, устало медленнее, продолжал идти по следу. Он хотел убить немца и знала, что настигнет его.

След вывел его на опушку. Здесь, среди пуля, черная печные трубы, таксе, лежали, какие можно встретить только на

пепелище. В основании одной трубы Пучков увидел кусок белой штукатурки, украшенной нарисованными синькой цветочками. Пройдя ещё несколько шагов, он заметил торчащую из-под снега спилку железной кронцы. След немца всё его давили, вдоль каменных фундаментом, угадываемых под снегом, вдоль печально-го ряда обожжённых труб. Он устал и спотыкался на ступи. На несколько мгновений он закрыл глаза, и ему показалось, что он видит, как из всех труб деревни струится толбой домашний дым и как женщины, повязавшие простынями латком, очень похобая на его мать, которую не видел он два года, двинула что-то в глубь пещки, разрывавшей синими цветочками, а потом повернула к полу лицо и это доброе лицо вдруг затуманилось и пропало.

Пучков вскопич с грубо, понял, что едва не потерял сознание. Он замешкался. Ему бы лучше было поумерить, как он выберется к своим, потому что бой с «мессершмиттами» произошёл над районным, занятым немцами. Но в этот час у Пучкова было такое чувство, что слово этой лесной гауши жинут только двое: он и немец, которого надо во что бы то ни стало убить.

И Пучков торопылился шаг. Слова он видел лицо женщины, доброе лицо, затуманившееся сначала, и порой это было точно лицо его матери, но чаще оно было другим — незнакомое и ровное: оно смотрело на Пучкова с каким-то ожиданием, вглядывая, и не созывая того, душой он чувствовал, что это владение — родина.

На противоположном краю деревни чернела одна углубленная изба, Пучков пошёл к ней. Он хотел отдохнуть.

Пучков, не дойдя до избы, опять присел на снег. Он хотел отдохнуть.

Немец продолжал целиться.

Приближение вечера подлоло его, потому что он боялся, что в темноте будет трудно распознать недруга. Пройдя вдоль глухой стенки избы до угла, Пучков пригнул, а потом пополз под окнами. В этот час было три окна, и из каждого немца мог послать пулю. Слова его. За ним ещё одно окошко и крыльцо. Пучков присел на корточки, опираясь на ладонь правой руки, как делают это спортсмены-бегуны на старте. Одна секунда, долина была решит всё. Пучков приспособился к прыжку. Он сделал то, что делает хорошие стрелки перед выстрелом: глотнул воздуха, грудь встала и медленно выдохнул, затая дыхание. И в ту же секунду очень ярко увидел себя — мильчатым, голым, на крутом камне над рекой, выгнувшегося, чтобы ласточкой ринуться в тем-

ную, заглохшую воду. И, как тогда, сердце сладко сжалось от страха перед неизвестным, и он, сказав себе: «Стар! — прыгнул.

Крыльцо, дверь, немца отлетел парашют, кто-то ещё угая, выстрел... Ну! — мимо. Пучков и немец покатались по полу. «Так ты ждал меня, ждал с пистолетом, а вынул бокал». Ждал, гад... и Пучков скривился зубами от злости, ярости к врагу и, охватив его зоркой правой рукой за шею, грудью, всем своим огромным телом прижимал к полу. Зубами он выцарапал вонючие пальцы, державший парашюта. И он был загнула яростно, потому что в мыщках его руки была заключена огромная сила, а в душе горчала ненависть и одно желание — уюти немца.

Но он забыл о раненой руке... А немца налёв раненую руку и стал колотить по ней кулаком и рвать отлет юткими, стараясь обжигать выстрел. Он кричал и слышал кричал. Пучков загнула бы немца, если бы сам вдруг роковым образом не ослеп и не потерял сознания.

Сдела вечность прошла, прежде чем он открыл глаза. Он лежал на спине, и ему показались одна секунда, потому что открыл глаза, он увидел себя всё ещё на полу и немца, лежащего рядом, с головой на его правой руке. То, что немца лежал недвижимо, как может лежать только мёртвый, находило себе объяснение в присутствии третьего в избе человека, которого Пучков не успел хорошо разглядеть, когда ворвался в избу. Этот человек сразу рассматривал маленького старика с пыльной бородкой, похожей на заплету. И старик разглядывал Пучкова, а сам между тем выжидал, вытер обо что-то лезвие короткого ножа.

— Очунаус! — произнёс он неожиданно сильным и низким голосом.

— Вы кто? — спросил Пучков.

Меня фамилия Касцев, я русский старик и, присев, стал рассматривать раненую руку Пучкова.

А ночью они шли по невидимой лесной тропе и Касцев рассказывал.

Вы не думайте, товарищ, я не старик. Мне ещё пятьдесят лет. Я живу такую жизнь прошёл. Меня, сколько помню, всегда любили. Мамаша — та, конечно, всем сердцем ждала. Молодши я гулял, друзей-приятелей три деревни. Женщины были не те, что сейчас некороткого — взгляда строгого на меня не кинула. Дети — те же same, обижаться нехотят, уважают. Я жим легко. Любовь всё равно, как птица: она человека питает силой.

Пучков подгадывал:

— Вас, наверное, за то все любил, что вы человек хороний?

Касцев объяснял:

— Я всегда помогаю. Мне на человека рассердиться нелегко. Я вам признаюсь, и против немцев ненависть не сразу нахлынула. Он в меня с трудом входил. Вначале умом, а потом сердцем. И с сердцем мне не чуяло. Много университетов я кончил за эту войну.

Старик вывел Пучкова к изомпочку переднему краю избы, указав на него и на дальние. Они стояли на опушке леса. Затаившая и страшная тишина обтекала все фронты в этот предвечерний час.

Пучков указал на следы, и старик сказал:

— Проматей, ладунка, — сказал он, — спасибо за всё!

Старик неожиданно захихнул и, дождавшись паузы, но, протянул его Пучкову.

— Возьми, вот... На память... Нашим похвалить. Пусть знают: не смирились мы под пол немца. Прощай.

Он шагнула в сторону и сразу исчез во мраке ночи и леса.

А Пучков в скором времени явился в поак и, показав нам прекрасной чёрной ноку деревенской работы, рассказал его историю. И никто не удивлялся, почему Ваня Пучков, крикливо рассказывая, не ставился с прыжком, грубой работы немца — подарком партизана.

анатолый шишко ПАДЪНИЕ ТОРГОНЪ

Рисунки

Н. Кузьмина

1

Отправленный из Санкт-Петербурга в распоряжение главнокомандующего союзными армиями в Италии графа Суворова, Римского сержант гвардии Синицын прибыл в Милан, столицу Ломбардии, десятого июня 1799 года.

Ночь ушла, когда карета Синицына въехала в городские ворота.

Звонил колокола. Звон был явней и торжественней. Три дня назад французы были разбиты Суворовым при реке Треббии. На улицах и в ратуши шумела возбужденная толпа. Город был разукрашен флагами, диаложился не ходил.

Синицын с трудом нашёл свободный номер в гостинице, всё было переполнено русскими и австрийскими офицерами. Войдя к себе в номер, Алексей Николаевич расплакуя сел. Было ещё светло. В гостинице, всё было переполнено. Вглядываясь пристально, Синицын заметил, что обстановка неподвижна. Это были Альпы, снежные вершины гор.

Огромным сворачившим амфиатром спускалась гора в живописную долину Ломбардии со множеством гор пород и деревьев, крытых красной черепицей колоколом, несущих над альпийскими озерами пасущиеся престарелые колокола.

Внизу, в острин, шумели итальянцы. Чокаясь кружками, они провозглашали гостя за освобождение Италии от французских захватчиков. Поминую развлеклась: «Треббий! Суворов! Гордость за славу русского оружия охватил Синицына.

О сражении при Треббии Синицын узнал от петербургского своего знакомого, князя Мещерского, остановившегося в той же гостинице, на пути из армии к венскому до-

ру, куда он ехал с деньгами Суворова об

оказавшей помощи.

Шатая по номеру, Мещерский рассказывал:

— Было пять часов пополудни. Победа склонилась на сторону французов. Командующий тремя флагами генерал Росенберг отправил меня предупредить Суворова, что сопротивляться дальше невозможно, надо отступать. Я поискал, Фельдмаршал явился в полутьме из темноты бивня, отыскивающего в тени огромного камня. Выслушав меня, Суворов сказал: «Пропробуйте сдвинуть сей камень. Не можете? Так же невозможно отступление.»

Через минуту сам Багратион прискакал к фельдмаршалу с рапортом о ретраде.

— Нехорошо, князь Пётр, — укоризненно покачал головой Суворов и сей же час, потрепав коня, помчался на правый фланг.

— Я был с ним, — продолжал Мещерский. — Если бы ты видел его в эту минуту, без шляпы, в одной белой рубашке, скучающего наостроу растерянным взглядом, ты бы не поверил, что Суворову шестидесять девять лет, что он едва, с трудом влезает при явне в седло. Всё случилось в одну минуту. Завидев отступавших греков, фельдмаршал соскочил с коня, замешался в рывки и побежал вместе с гренадерами, крича:

«Шибче! Шибче! Заманявай их, ребята!»

Потом вдруг повернулся и, грозно сверкнув очами, скандовал:

— Стой!

Содвиги, это были ветераны, остановившись смущёнными. Суворов не дал им опомниться, выхватил шляпу и бросился во главе колонны обратно на французов. Нас ослепил громом пуля, Суворов не замечал их. Не прошло и четверти часа, как французы, дрогнув, побежали по всей линии.

Когда Мещерский ушёл, Синицын долго ещё сидел у раскрытого окна, смотрел, как тьма, растворившись в предвечерней мгле Альпы. Грусть охватывала его при мысли, что битва, о которой так восторженно рассказывал Мещерский, произошла без него. Но радость победы пересиливала это чувство. Скоро, может быть завтра он увидит Суворова, услышит его голос, пойдёт за ним. Спустившись вниз, Алексей Николаевич наскоро поужинал, нанял дорожную карету и в тот же день выехал из Милана в Торгону, куда, по сведениям, двинулась армия Суворова.

Меньше чем за месяц Синицын достиг границы Австрии, пересёк Ломбардскую долину, на сутки задержался в Павии и теперь, с приближением к Торгоне, чувствовал охватывающее его волнение.

Има Суворова атегала впереди — крылатое, летящее.

О самом полководеце Синицын был наслышан ещё в полку, видел его однажды про-

мелькнувшим по Невскому в карете, но близко встречаться с ним ему не приходилось. И встреча с человеком, чей талант возмнил мир, тревожил. Будет ли мечта его жизни: заслужит похвалу Суворова?

Карета катилась берегом реки. По обеим сторонам её, то поднимались на холмы, отмахиваясь в лобково сплюснот, то сбегая вниз, к реке, пропалывали деревушки, белые домики, сады.

У поворота дороги Синицын велел кучеру остановиться. Быстро сбросил на пригорок. Вдалеке виднелась полуразрушенная ферма. За оградой, на соломе, прикрытый солдатским плащом, сид старик, положив по голове седло. Сейчасный солдат с ружьём сидел поодаль.

И, уже подняв голову, Синицын взглянул карету и поднятым вверх дышлом. Очевидно, это был офицерский домик, оставленный барином на своих сауг.

— Эй, любезный, — крикнул Синицын, — дамако до Торгону?

Старик поднял голову. Бритые, в морщинах лицо его показалось серяжату знакомым. Тут только заметил он, что старик был в одном исподнем белье, без сапог. Офицерские, тулоновые сапоги с золотыми вышивочками, шпоры стояли около, как часовой.

— До Торгону? — спросил старик. — Да версты две в гаком будет. А тебе к чему бы, вьезть? Поля догонешь ми как?

Слова «вьезть» не понравились серяжату. Хмури брови, Синицын небрежно бросил:

— По именному его величества указу, должн явиться в распоряжение фельдмаршала Суворова, — и, вскинув голову, тронул воображаемый ус. — Не слыма, служивый, где стонт штаб?

Приложившись на локте, старик внимательно разглядывал серяжата. Загорелое, с живыми глазами лицо молодого человека, видимо, понравилось ему. Усмехнувшись, старик кивнул:

— Ну что, авьис, дружок. — Значит, авьис штаб? — обрадованно спросил Синицын, митом выходя из роли отчаянного рубака и озаряясь девичьей, застенчивой улыбкой.

Старик указал в сторону дремавшего солдата:

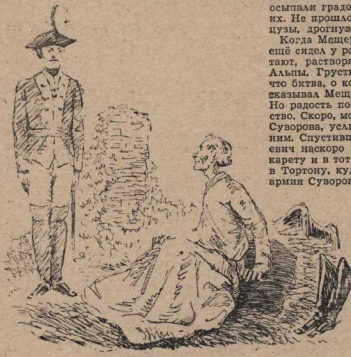
— Штаб — подали, фельдмаршал — впереди, — и ткнул себя пальцем в грудь, — а я буду Суворов. Чего тебе бланке?

Синицын победил. Все кровь, бросившаяся в голову, мгновенно отхлынула к сердцу. Сухое, в морщинах лицо старика, с холмоком седых провонявшихся аветочкой волос он видел на итальянской мрамор. Не своим, придушенным голосом Алексей Николаевич пролетела заученные слова:

— Честь имею явиться, господин фельдмаршала. Серяжнт гвардии Преображенского полка Синицын прибыл из Санкт-Петербурга и вступил в действительную службу его величества.

Не дослушав, Суворов вскокил, порывисто обнял серяжата.

— Молодци! Из Петербурга, говоривши?

—...Я и буду Суворов. Чего тебе бланке?

Познакомимся. Прохор Иванович! — окликал он солдат. — Нашего полку прибыл Сержант гвардии Синицын.

Солдат встал, сдвинул шапку на сторону и спрятал ее, вынул саблю. Суворов распрямился, где Синицын служил, как доверялся. Алексей Николаевич уже хотел было чистосердечно рассказать фельдмаршалу все, что случилось с ним, но пошелша подлыхающий ординарец.

Соскочил с коня, ординарец отвратил: вала!

— Ваше сиятельство, колонна князя Баграциона входит в город.

Синицын вздрогнул. Будто ахнул, затрясло ударило оружие. За ним другое, третье. Суворов сам надел сапоги, потоптался, словно припадывая.

— Прощай Мундир! Кавалерию! Живо! — Секунды солдат прислонил ружье к дереву, подбежал к карете, проворно вынес на ней два баула и, раскрыв их, стал вынимать доску.

Поживевшая губами, Суворов озабочено разглядывала ассины, держа в другой руке бейлы, с серебряными штыбем мундир, и недолго морщилась.

— Тобачищом проповоло, Голость.

— Да вылет от моли же тобачком, — жалобно, со слезой в голосе тянула Прохор, прикрывая и вытывая обмундирования — Жрет, охотничья. А нука, Александра Васильича, попериски, — командавора денщик, — ружья растопыр.

Подскакала второй ординарец.

— Господин фельдмаршал! Французы заперлись в киратах и смышлят ярами горло.

— Вот что, — сказал Суворов, обращаясь к Синицыну, — поезжай немедля к командованию Тортона передам ординар и от моего имени потребуй немедленно прекратить обстрел мирных жителей. Тортоны мы знаем — сопротивление бесполезно. А не уломаешь — штурм будет бесплоден. Пошли Фрица на каретный двор ему сроку часе. Скажи: Вот тебе и служба его величества, — добавил он, пристегивая шпату.

Взвизг поводя из рук спешившегося ординара, Прохор Иванович подал Синицын коня.

— Садись, ваше благородие, — сказал он ухмыляясь, — В карете несposобо нам будет, карету мы потережем!

— Как тебе слышно, — сташетата сержант, — Не мог упредить меня? Оух!

— А она не лягается, — ответила Прошка, смотря на Синицына скучными глазами.

— Я говорю, как ты смея, не скажешь мне давеча, что здесь фельдмаршал, сам Суворов! — горячился Синицын.

Прохор Иванович виновато опустил голову.

— А я про что говорю: конь выжезанный, не извольте сумеваться, ваше благородие...

Синицын вскопич в седло, в сердцах оглянул коня ладью и покосился что есть духу навстречу грохоту впушек.

2

Чем ближе проступали рыи и бастионы крепости, тем яснее сознавал Синицын всю ответственность поручения. На пути было сумрачно. Своим опасником при встрече с фельдмаршалом сержант переживал мучительно, хотелось заглядеть е как можно скорей.

В восторженном он шпорил коня. Город был уже недалеко, в полуверсте. Закат лавина медленные флигера на башнях, жарко пылава в разноцветных витражах церкви. Алексей Николаевич выехал на пригорок и остановился, увидев войска.

Колонны шпай похолодным маршем, с разбуртанными знаменами. Варабы вымывали пробь. Это была русская пехота. Позвали ехали дрожки, лазаретные фуры, дукошки. Дорога, огнивая холм е чиндальное, возвышавшейся над городом, круто спускалась вниз, в долину реки По.

Отсюда, с пригорка, Синицыну отлочно было видно, как войска, проходя мимо холма, ломали строй и врассыпную перебегают дамыливая холма.

Крепость на холме обстреливала дорогу, прелестия Тортоны.

Это была первая канонада в жизни сержанта. С жадностью следил он, как чутурица леда, подстреленная, словно мячик, катилась по горе. Гранаты с треском проламывали черепичные кровли. Мегиущисе, пламя гасло, черный дым клубами обволакивала город.

Синицын повернул коня и покосился вверх, к вершине холма, где была расположена крепость.

Внезапно, как по команде, канонада смолкла.

Навстречу Синицыну, по скалохвой от дождя дороге, мчались двое французоз, держа высоко над головами белые пламя.

Соскочил с коня, первый из французоз, по взгляду офицера, в синем мундире, описанном тридцетным шарфом, быстро приблизился к спешившемуся сержанту.

— Салют! — звонко крикнул офицер. — В чем дело?

Путой от волнения французские слова, Синицын изложил требование фельдмаршала.

Офицер неожиданно ухмылился. Когда спросил конича, он сказал:

— Передайте вашему Суворову, что командант Тортоны не подчиняется распоряжениям врага.

— Как это вы бессмысленно! — воскликнул Синицын. — Триста человек не могут сопротивляться армии! Будет штурм.

— Все равно, — отрезала француз, — штурмуйте!

— Это — ваше последнее слово?

— Последнее!

Вскочил на коня, офицер отсалютовала шпату и покосился.

Алексей Николаевич проводил его взглядом и, вздохнув, влез в седло. Смеркалось. В тишине вечера гулко отлаивался шокот коник. Внезапно Синицын вырвался, прижался ладью и тротуеком.

По дороге в Тортоны, окруженный свитой, среди которой сержант сразу узнал смуглого, черноволосого князя Баграциона, ехал на гнедом конике Суворов. Он был в мундире фельдмаршала, без шпаты. Каваларика медленно подвигалась. Завидев Синицына, главнокомандующий сдержал коня, свита остановилась. Лицо Суворова е удивленно приподнялись бровями и полуоткрытыми веками, иссеченными красными жилами, было строго, газата таяли умешку.

— Ну как, уговорил?

Сердце сержанта оборвалось. Офицеры свиты в улол разглядывали Синицына, смущенно докладывавшего о результатах приговора.

— Жаль, — кинул Суворов.

Григуну, далеко отдалившись злом, орудиийный выстрел.

— Жаль, — раздумчиво повторил Суворов.

И неизвестно было, к чему относилось его сожаление, но Синицына слово побросало:

— Дозвольте вернуться, господин фельдмаршал!

Суворов аниметалось, будто впервые газнула сержанту в глаза.

— Поезжай, — медленно кивнул он, — а мы тут здесь ждем. Только живо!

С воим проскрежетала и шмякнулась бомба, взрывая фонтан земли. Лошадь, вздымаясь, Кто-то вскрикнул. Раздался спорохотивший глас. Восторженно крикнул: — Прощай, ваше сиятельство, оставьте дорогу, она обстреливается.

Суворов упрямо кивнул:

— Вздор! Скажи, дружок. И передай команданту Тортоны, что если не минуты, освободи нас от пугала мирных жителей.

Грохот орудий утихивался. Баграцион тронул фельдмаршала за локоть:

— Граф Александр Васильевич, я поти- тельно прошу!

Суворов яростно затамолит голосой:

— Князь Пётр Иванович, Остань! А то я сам поеду. Скажи, — крикнул он уже отъезжавшему Синицыну.

Быстро темнело. Последние лучи солнца погасали, но здесь, наверху, было еще светло. Порой разрывался выстрел, озвняв все вокруг, и тогда вдали слышались выдвигавшая белая шпату, знак парламентера.

Выстрелы падали один за другим тяжело и глухо, как в колодез. Стреляли земад, удары отдаивались гулом в горах, слымались летя. Третьим выстрелом Синицын и Синицын, бледнее, незольно пригубился в седле. Теперь французоз обстреливали тропинку, по которой он ехал, дорогу, где стояла со своим конем Суворов. Сержант крепко стиснул зубы. Страх не было, было опьянение скачкой, взлом ястреда, проносившихся мимо с ветром стремительностью, что ветер шуршал волосом. Третью минуту обрела, хотая остановиться, мкнула руку и покосила давьше.

Вот и крепость.

Подбежал давешний офицер. Алексей Николаевич что-то прокричал ему, хотя было совершенно темно, выстрел смолк, и тот, кивнув в ответ, отстал. Синицын садился с коня, в изнеможении прислонился к дереву. Туман пыла в глазах сержанта. Словно слышалось, как вдали гонимый сверху подлымным мот, услышала анжародную дрожь барабана.

Страшным усилием воли Синицын открыл глаза. Горели флигера. Из крепости по мосту выкатились два орудия, вскрикнул, выстрелил. В шпалях, перевезанных крестом на груди, матери вези за руки упиравшихся малышей и тревожно глядели на стороны.

Алексей Николаевич машинально взял из рук старушки, блудней позави ехал, корзинку и, введя в повод коня, стал спускаться вниз.

Вошла луна. Все вокруг озарилося легким, голубоватым светом, тени кипарисов легли на дорогу, и далеко в синеве ночью было ясно видно шпаты и башни Тортоны.

При мерцании фонаря, который держал в руке Прошка, Синицын разглядел Суворова, встал в той же позе смягшего на коне. Ни свиты, ни Баграциона не было.

Сержант поставил корзинку на земад, выткнул во фронт:

— Честь имею доложить...

— Молодец, подпоручик Синицын! — перебил Суворов, трогая коня.

Денщик залуд фонарь и, подвесив его к седлу, покосился за фельдмаршалом.

На повороте дороги маленькую пашу Суворова и скривился Синицын, как заварозанный, продолжая стоять, смотря им в глаза, не веря собственному счастью: сам поручик Суворов ехал впереди, подпоручик Синицын! Сам Суворов!

— Крепость Тортона, последний ололот французоз в Италии, пала 10 августа без боя, как и предсказывала Суворов.

К этому времени войска его уже были на пути в Швейцарию.

Начинался Альпийский поход.

Мне пришлось недавно побывать в одной из школ Москвы на традиционном вечере бывших её питомцев. Война загнала нашу семью далеко от родины, встречи: тот, кто пришёл в этот вечер в школу, не был здесь почти три года.

Летко было понять радость и восхищение удивленно сидевших в зале, когда ознакомили кто-нибудь новый повзрослевших в деревях. Поднятые офицеры с орденами, солдаты хозяйственники, научные работники, артисты — бывшие воспитанники московской 175-й школы — торопыли-скандляли пингала и паяли жал руку школьному швейцару, шагая через три ступеньки, как в прежние годы, и сдвину у входа попадавая в чьи-нибудь объятия.

Вот идёт рассейный доцент в очках. Балзурский, он узнаёт друзей с опозданием и виновато улыбается. Входит группа студентов. Эти покинули школу только в прошлом году.

Что же жила школа этим людям? Как сложилась жизнь её воспитанников, когда они, получив дипломы, простались со стенами школы?

Большинство пришедших на этот вечер в Старопресненский переулок окончило 175ю школу в самые жаркие годы войны. Многие из них стали отважными солдатами и начали свою биографию с подвига, и в этом им помогла школа.

И ныне бывалые солдаты — бывшие питомцы 175-й школы — с багаторынностью вспоминают своего учителя физкультуры, на которого раньше не раз сотовали. Этот человек не знал «слабости» к ученикам. Он называл «боягой» погодку осеннюю подмосковную скалку и часёвнюю в такую «боявую» погоду выводил ребят в поход.

Война многому подвела итог. Старшеклассники выйдут из школы в стуровое, военное время. И они должны быть готовы стойко преодолевать трудности, которые им встретятся.

Наша молодёжь должна привыкать к самостоятельности со школьной скамьи. Как горько расплатались те, кто, изучая книги, ничему не научились в жизни!

Война показала, что и «крупный отачник» легко может оказаться на фронте невеждей, если он, например, не умеет ориентироваться по звёздам, раскладывать и разжигать костёр, варить суп, если не сможет в минуту минуты переменить товарища. Когда в бою надо было принимать немедленное решение, с какой горечью ныне недавние школяры вспоминали по рою о том, как голыми их ткнули в школе «на букваре», не заставляла думать и действовать самостоятельно!

Старшеклассники через несколько месяцев выйдут из школы. Кем быть? Куда пойти, чтобы в трудные годы войны оказаться наиболее полезными для родины?

Война многому научила нашу школьную молодёжь. Школьные мастерские, работающие на оборону, обучали мастерству сотни юношей и девушек. Летом школьники сажали картофель, работали у молотилки, склывали камни. Руки у них орудиели от работы, но они любят труд. Такими выпускники 1944 года.

Тот из них, кто пойдёт в армию, будет благодарен школе. Тот, кто пойдёт на завод, скажет школе, научившей его ремеслу, трижды спасибо. И всё же старшеклассники

нам нужно думать о том, как применить себя в жизни, какую профессию изучить и сделать её пожитной.

Недавно несколько школ Москвы провели среди старшеклассников анкету с единственным вопросом: «Кем хочешь быть?» Из 35 учащихся 175-й школы чёткий ответ дали только 13. Половина учащихся, закончивших в этом году 110-ю московскую школу имени Невского, также не сумела ответить на этот вопрос.

Очень важно помочь каждому юноше выбрать себе профессию: десятки школьников, поступивших в прошлом году в различные институты Москвы, заявили о желании перекончить специальность. Решение, принятое ими раньше, оказалось ошибочным. Металлург хочет стать медиком; вот где, оказывается, его призвание. Географ мечтает о преподавании иностранных языков. Архитектор интересуется специальностью литератора.

Это происходит потому, что в школах слишком поздно выявляются профессиональные устремления учащихся. Над вопросом «Кем быть?» надо задумываться не в 10-м, а в 7-м классе, иначе страна получит посредственных инженеров, из которых могли выйти, быть может, хорошие врачи.

Иногда в школах устраиваются лекции о различных профессиях. Но на этих лекциях вопросы решает обычно красноречивый лектор, пропагандирующий интересные особенности какой-нибудь специальности. Подлинные наклонности учащихся остаются невыявленными.

В 110-й школе Москвы недавно создан ученический научный общество. Им руководят крупнейшие учёные страны — химики, математики, физики. Ученики читают рефераты, производят опыты. Это правильный путь для того, чтобы развить

у юношей и девушек увлечение своей будущей профессией, помочь им найти себя.

Но решающим в поисках жизненного призвания должно быть чувство патриотического долга перед родиной. Нам нужны химики, геологи, галязы которых быд бы вытесн не только гран вещества, запаленного в колабе, но всё страна с её недрами, заводами, городами. Нам необходим хороши инженеры: строгая домов, машин, кораблей...

Мы рассматриваем анкеты учащихся 1944 года. Юноша отвечает по-военному коротко: «Буду солдатом». Но думает ли этот юноша уже сегодня о тех делах, когда ему придётся возрождать к жизни то, что освобождено от врага?

Я знаю пареня, он увлекался живописью. Сынчился бросил. «Зачем мне это, ведь и иду в армию!» — сказал он. Этот юноша забыл, что тот, кто воюет сегодня, завтра будет строить. За романтикой биты уже поднимается высокая романтика возрождения. Ах, восстанавливающие из подла Сталинграда, сегодня становится рядом с теми, кто защища от врага всякий город Сталина.

Недаром строители выступают у нас в освобождённых городах тотчас вслед за войнами. Знаменитый кировоградский буржик Алексей Семилосов вступил в Кировой Ро вместе с первыми отрядами Красной Армии. Он пришёл восстанавливать свой край, разурявшийся врагами.

Тем, кто кончил школу в 1944 году, придётся, быть может, проходить первую производственную практику на возрождённом Днепрострое. Они войдут и в разорённые немцами Петергоф, Гатчину, город Пушкина, как те, кто должен вернуть красоту разрушенным дворам и паркам.

Но пусть не забывают старшеклассники о своей школе, когда покинут её для сражений и работы.

МОЛОДЫЕ ОФИЦЕРЫ — КАВАЛЕРЫ ОРДЕНА КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

Молодые офицеры-артиллеристы: старший лейтенант Василий Мазени (слева) и лейтенант Камыль Юмаевич (справа) — награждены орденами Красного знамени за умелые и мужественные действия в боях против немецких захватчиков.

Противотанковая истребительная батарея старшего лейтенанта Мазени в последние сражения уничтожила 4 тяжёлых немецких танка, самоходную пинку «фердинанд», 30 автомашин, 8 истребительных миномётов, 3 батареи полевой артиллерии, более тысячи солдат и офицеров противника и др. Подрывание противотанковой артиллерии лейтенанта Юмаевича уничтожило 3 танка и 2 батареи полевой артиллерии и до 800 вражеских солдат и офицеров.

ЮМОР

В. Сухаревич

КОНЕЦ ЧЕРЕПАХИ

(Рассказ колхозницы)

Может, и во все области нет такого шорника, как мой старик: сделает нам сбрую макровую, с серебряной насечкой, шёлком прошьёт—глядеть колдоборого! И обидает его ни за что, ни про что. В то лето, когда немец на нас пошёл, привезли нам из кооперации сырец глянцовый. Пошла старик к осемному сыну сбрую, а как выехали наши на пикету, поспержи — хлоп! — и пополам. Шайки пополались, уздечки обобрались. Ассексов Ефим Иванович, председатель колхоза, на правление вывоза моего старика и давай при всех срывать.

— Ты что же, — говорит, — леший старик, не проверишь кожу на разрыв? Ты же мне в военной обстановке осе срывывал! Судить тебя буди!

А мой старик на дыбы: — А ты где был, когда товар брали? Ты потрессовал разное, а не шорника. И про теб, рыжий дьявол, и сам в Наркомом бумагу подай!

Поругались они, том был и дело кончилось, но Мишка Гречихин, комсомольский секретарь, стап на всех узоры выводит. На боковой доске возле правления нарисовал — кто на смавоте лезет, кто на тычке едет, а мой старик — на черепахе. И тут же наизусть: «Шорник чёрх», Туловище у старика вроде как у головастика робинка, а борода его, и с лица, как живой. На той черепахе вся сбруя порвана и уздечка—одни хвосты. Увидел это старик—побежал. Пришёл в избу, лёг на пелухи и говорит:

— С этой черепахой я могу ходить только на выдвинутой перемычке. Хамахи, отработай! Поглядим, какую справу своей черепахе Мишка Гречихин без меня сделает.

Лезтик старик, выдвигай. А тут халки прискакали и говорят—немцы где-то прорвались и прямо на нас чешет.

— Вставай, дед, отступать будем!

А старик:

— На черепахе далеко не укажешь. И здесь помирять буду.

Так и остались. Сыночек догрозил! И что же говорит, как мы жили! Два года берёт мой дед глянцовый сырец, чтобы, когда наши придут, перед всем миром оправдаться. Но не выдержал ни. Стали варить ту козую волчужу и жевать беззубыми губами. Но вот приехал Кузька-Гитлер и говорит:

— Довольно жреть быстрое колхозное, а нынче наше немецкое добро. Шей сбрую сами распробуй!

А был тот Кузька пьяница, конюхад и бесом оверкаемый. Его немцы назначили старостой. И уж так он алкоговал, так выпивал, что все в деревне прозвали его «Гитлером». Старик ничего этому «Гитлеру» не сказал—то с дурака возмись! А стал обижаться в лес. Пошёл узко с порога старик мой как бросится в избу да как закричит: — А ну, давай работай! Поживей!

Кричит он сбрую и рассказывает, что слышал, кто-то через

Увидел это старик — побежал...

немецкого здания, будто наши идут. Знают, хотят немцы верховым коням хомуты пошить, чтоб удрать было легче. И говорит старик:

— Да я не только Кузьке, а самому настоящему Гитлеру узду сошью, только пусть берёт поскорей, матери их сто чертей!

Шайки дён петь. Нашим сбрую гору. Вбегает как-то чуть свет «Гитлер» и солдаты. Похватали всё — и хопу.

Идем за мной,—командует старик—и берёт шворкан. Обозли мы деревню, засели в кустах у окопчик. Глядим, кто в чём бегут немцы. А на досках подполз все их добро. Только взяли кони в тору—хлоп постромки, хрясь супонки! Все чисто обобрались. Коня выпрямили и побежали по полю. Прыват немцы, а Кузька-«Гитлер» не буйт дурак, в кусты. Прямо на нас божит. Старик ударил его по голове шворцем, и лёг Кузька под куст, но не шевельется.

А с горы видут конница.

Наша Красная Саба наша! Ура! Подняли немцы руки и стоят, как ниш. Тут мы и вышли. А командир и говорит:

— Что здесь произошло, на черта не могу понять!

А мой старик наут и отвечает:

— А ты бы не подумывали не скажи бы людей на черепахе! Видишь, согдалься сбрую...

И оказался командиром Мишка Гречихин. И начал они деловитись на пелухах. А потом попарил ему мой старик на коня верхнюю свою старую сбрую—с насечкой, серебром с червяком, поводья вылаком шитые. А Мишка посадил старика на своего коня и снял на карточку. Вышел старик что твой генерал! А теперь, когда я нам в избу прихотит колхозник за сбрую, всякий, глядя на карточку, спрашивает:

— Вы что же, дедушка, на фронте были?

Нет,—говорит старик,—на черепахе была, а потом один военный осознал ошибкой, посадила на своего коня и снял намятку.

ВОКРУГ СВЕТА

СОКРОВИЩА

АРМАЗСКОГО НЕКРОПОЛЯ

Баснейшей находкой увеличились труды археологов, производивших недавно раскопки в древней столице Грузии Мцхете — небольшими гордами близ Тбилиси. Экспедиция, возглавляемая вице-президентом Грузинской академии наук академиком С. Н. Джанашиа, на небольшой глубине, всего в 70 сантиметров от поверхности земли, обнаружила армазский некрополь.

В саркофаге, представляющем собой громадный каменный ящик, найдены останки мужчины и женщины, жившихся примерно 1600 лет назад. Как предполагают, это птхакш (аристы) — управитель области, воевода, — и его супруга. Тут же находились золотые вещи, являющиеся прекраснейшим образцами древнего грузинского ювелирного искусства. Среди них два ослепленных драгоценными камнями браслета, каждый из которых оце-

нивается примерно в два миллиона рублей, большое кольцо с геммой, изображающей лицо грузина-ариста — владельца кольца, длинная золотая цепочка тончайшей работы и другие предметы. Интересно большое серебряное блюдо, весом в два с половиной килограмма. На обороте блюда найдены на греческом языке: «Я царя Фаллаха, жадую это блюдо Бердуме — птхакшу». Этот подарок сделан в III веке нашей эры.

Надгробная каменная плита тоже имеет надпись на греческом и армазском языках. Она гласит: «Я Сергунта, дочь Занахша, младшего птхакша Пармена царя. жена Иодманта — победоносца и много блат сделанного дворуаристителя Хеспариута великого царя Иберии, сына Агриины, дворуаристителя Пармена царя. Горе Гора, Т, которая была несравненная. И столь хороша и красивая была, что никто не был ей подобен по красоте. И

умерла на двадцать первом году жизни.

Последние археологические открытия в районе Мцхеты, — сделал академик С. Джанашиа, — являют весьма важными и ценными. Они являют собой новые доказательства тому, что уже в первых веках нашей эры в Грузии существовало сильное централизованное государство, и помогут нашим учёным лучше изучить культуру и общественно-политической строй древней Грузии.

РЕКИ, ТЕКУЩИЕ ТО ВПЕРЕД, ТО НАЗАД

Как известно, реки текут всегда в одном и том же, определённом направлении. Поэтому в употреблении вошли выражения «потерпеть по течению или против течения» для обозначения местоположения какого-либо пункта.

В СССР, однако, есть реки, где

эти выражения теряют свой смысл. Так, в Онежское озеро впадают Петровводская и Малая Шунь. Если эта прохотит Умлювер, на дне которого находится много ключей. Когда деятельность ключей ослабевает, — уровень Умлювера понижается, вода устремляется в него из реки Шунь; когда деятельность ключей усиливается, — уровень озера поднимается, и река течёт вспять.

Из Шумера, в большом между Онежским и Белым озерами, в Вологодской области, вытекает несколько рек. Если уровень Шумера выше, реки текут в него, но когда уровень озера начинает понижаться (а это случается временами, когда вода из Шумера подземным стоком уходит в Онежское озеро), то все вытекающие отсюда реки начинают течь обратно в озеро. При следующем повышении уровня воды в озере течение рек вновь изменится. Так и текут: они в озеро, то из него.

Рассказы о героях тыла

не успокаивается, пока не прилежит к нему внимание тех, «кому об этом ведать надлежит». Энергичную, изобретательную женщину некоторые считают бесхозяйной. И отвечая им, Евгения убежденно говорит: «И буду изобретать — не для себя, а для фронта стараться и, как на фронте, действовать смело».

Вот Тимофей Олейников — кадровый уральский рабочий, бригадир. С первых дней Отечественной войны его бригада в несколько раз перевыполняет план. Тимофей Олейников — полноразный автор производств. Снаряды его бригады поручили ковать новую броню деталь. Коваль ей стала опытная мастерица, соблюдал технологические приемы, но детали получались непрочными. Нужно было изменить привытый технологический процесс. Олейников шагнул, как это сделать, стал обрабатывать деталь по-новому и добился блестящих результатов. Рационализаторскую работу, он в три раза уменьшил число ударов молота и таким путем в три раза увеличил выпуск деталей.

Фронт требует всё больше вооружения. На заводе повышается норма, но она оказывается невыполнимой. Бригады соревнуются друг с другом. Так, в частности, Тимофей Олейников соревнуется с детальноком Чугуновым, за три месяца выполнив программу нескольких лет, ставлевар Ибрагим Бадиев — со сталдаром Дмитрием Сидоровским, а оба они — со сталдаром другого завода Нурулло Базыгановым.

Книга Аны Каравезовой правдива и убедительна. Прочитав её, читатель увидит, что победы Великой Армии — это одновременно победы и тысяч стачковцев советского тыла.

А. Воинов

«Я люблю этого попутельца машины, машины и станков, открывающего новых путей для победы человеческих рук и опыта, более смелого, чем Котляков, и более богатого технической, чем Олейников. Не выходя из родного цеха, он вынул множество срочейной, он бил врага наперевью, твёрдой рукой, он знающий промахи, потому что создания его труда — боевые машины, беспощадно и точно вершат своё дело на полях битвы», — пишет Анна Каравезова в начале своей книги, посвящённой уральским рабочим.

Книга «Сталинские мастера» проникнута духом труда, горничей любовью к родине. Это не повесть и не роман: это записки писательницы, которая жила среди людей, кузниц оружия на фронте. Книга разбита на главы, в которых рассказывается о сталеварах, кузнецах и разметчиках, о людях родной страны. Но в главах объединяющих одной идеей — огромным стремлением советского народа несмотря на трудности, связанные с войной, сделать всё для победы над врагом.

Так, на Урале, вдалеке от фронта, рождались герои, о которых нам мало известно столько же, сколько мы знаем о лучших снайперах или командирах, выигравших сражения.

Сюда, на Урал, пришла рабочая семья из Украины и Белоруссии, из Ленинграда, Харькова и других городов. Многие из них пережили ужас вражеского нашествия, они видели лицо врага и пожелали мести ему. Рядом со старыми уральскими заводами возникли новые. Рядом с казармой уральским рабочим у станков встали кадровые рабочие Киевского арсенала и Ростовского. Когда мужчины

Анна Каравезова «Сталинские мастера». Гослитиздат, Москва, 1943. 202 стр.

уходили в армию, к станкам становились женщины. И заводы Урала непрерывно садили на фронт штыками с танками, орудиями и другими вооружениями.

Анна Каравезова хорошо знает Урал и героев, о которых пишет. Это простые люди — люди труда, но дела их велики.

Одна из лучших глав книги посвящена девушкам, которые делают tanks. Бригаду девушек — электросварщиц танковых корпусов, — прозванную на заводе «бригадой смельдак», возглавила

Фелика Гржибюжская. Сварщицей Мария Валукова, Александря Рогожинка и Надежда Гриняева образовали отдельные части танковой брони. Это очень сложная работа. Толстый слой шлама нагнать и выкрутить шов между двумя бронеплитами, и сварнику приходится выдать асфенту. Успех сварки зависит от точности руки сварщицы, от её опытности.

Не сразу девушки овладели этой сложной и тяжёлой профессией. Однажды мастер называл Марию Валукову в сторону заводского корпуса. Она и жаром взялась за дело, но по неопытности сорвала толстую олову позвонку.

Неудача не обескуражила девушек, и они день за днём продолжали учиться, стремились стать подлинными мастерами сварки. Броня их танков должна выдерживать удар вражеского снаряда, от танкового ядра этой брони должны отразиться вражеские танки и рухнуть под него. Настойчивость взяла верх — девушки стали первоклассными мастерами.

В октябре 1941 года «Бригада смельдак» выполнила план всего на 60%, а в ноябре девушки уже выполняли 140—150% задания и получили премию. В этих цифрах процентов труда, труда тяжёлого и вдохновенного, полной уверенности.

А. Каравезова рассказывает о мастере Евгении Зубинской, о которой на Урале говорят, что у неё «бесхозяйное сердце». Е. Зубинская является во все моменты производства. Заметен недостаток, она

ОТВЕТЫ К КРОССВОРДУ В № 4

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Андора 5. Фанданго 9. Гинзбург 13. Ирм 14. Муар 15. Бевенжа 17. Реверрас 18. Вискоза 20. Омскок 22. Карью 24. Дата 26. Профан 28. Арпа 30. Арпа 32. Непер 33. Ропог 34. Тарим 36. Гуро 38. Гайлар 40. Пара 41. Неудача 42. Миропет 43. Косе 46. Стрельба 48. Тавк 51. Лавка 54. Аферат 57. Квинта 58. Кардасен 59. Сенегал 60. Нордиз 62. Тинктура 63. Ипотек 65. Кавалер 67. Синус 69. Крвб 72. Ювелья 74. Утка 76. Лескверг 77. Интерес 78. Липа 80. Обржа 83. Твеч 86. Уинг 88. Пивала 89. Антик 90. Марья 91. Сольв 93. Артава 94. Длану 95. Опмас 98. Ресин 100. Ратриет 101. Коперика 102. Пантера 103. Гойла 104. Блант 105. Лемлант 106. Тетивиса 107. Частота.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Аропонг 2. Дрезден 3. Ринка 4. Арак 5. Фарин 6. Навара 7. Нинагра 8. Омск 9. Гавр 10. Ирива 11. Изобара 12. Трэхомы 16. Июга 19. Сорп 21. Оверари 23. Алксифф 25. Алюкс 26. Пенек 27. Норпа 29. Капот 31. Руво 35. Ирун 37. Дунаг 39. Амард 43. Кокшинон 44. Конторра 46. Тургенва 47. Латигуар 49. Арсумет 50. Калеваля 51. Ластик 52. Кармен 53. Экарте 54. Аниакс 55. Бесеня 56. Андрос 61. Лавка 64. Пудра 66. Обезлук 68. Нитрига 70. Рачн 71. Банго 72. Юмолг 73. Ливия 74. Утепа 75. Крам 78. Либерад 79. Пассера 81. Барсетт 82. Каверра 84. Кружево 85. Чайкава 87. Юно 89. Мани 92. Овига 94. Диван 96. Итгон 97. Скат 98. Рыба 99. Спич.

ОТВЕТ К ЗАДАЧЕ «КЛИК В ТИРЕ» В № 4

Первый стрелок выбал 50, 10, 5, 3, 2 и 1 — всего 71 очко; второй — 25, 20, 20, 3, 2 и 1 — очко и третий — 25, 20, 10, 10, 5 и 1 — тоже 71 очко.

В НОМЕРЕ:

- А. МАЛЫШКО — Полю идут вперёд!
- О. СЕРГЕЕВА — Честь комсомола!
- С. КОРОЧКИН — Кавказ.
- И. ГУБАНОВ — * *
- В Московском университете.
- Ю. ТАЛОВ — Председатель.
- В. АЗАРОВ — Ленинградская весна.
- И. ВСЕВОЛОЖСКИЙ — Дорога в Крым.
- Молодые поэты Е. ФЕДЯНИН — Горьки. А. СОКОЛОВ — СКИИ — Мы добрей! В. КОЛОВОВ — Письмо.
- С. НАГОРНИК — Нок.
- А. ШИШКО — Падение Тортоны.
- Е.г. МАР — Старшеклассники.
- В. СУХАРЕВИЧ — Конца черепки.

Возврат свста.

Заметки о книгах. А. ВОИНОВ — Рассказы о героях тыла. Русские художники Г. БАЛАНШОВА, Г. ВАЛЬКА, Д. ДУБИНСКОГО, Н. КУЗЬМИНА.

На обложке: «Связистка» — картина художника В. ОДИНЦОВА.
На вкладки: «ПОЕДИНОК ПЕРЕД КУЛИКОВСКОЙ ВИТВОП» — картина художника М. АВИЛОВА.

И. о. ответственного редактора — М. КОТОВ.

Непринятые рукописи не возвращаются.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24.

Тел. Д 3-34-24.

Формат 21 x 110 см. 2/4 печ. я.

Вс. в н. л. 89 6000. Зав. 7892. Тираж 30 000 экз.

Изд. № 228. А5142 — Подписано к печати 22/IV-44 г.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

Степь да степь кругом

Умеренно.
Залежала.

Степь да степь кру-гом, путь да-лёк ле-
-жит, в той сте-пи глу-хой
жер.
у - ми-рал ям, щик. В той сте-пи глу-
-хой. у - ми-рал ям - щик.

Степь да степь кругом, путь далёк лежит.
В той степи глухой умирал ямщик. (2 раза)
И набравшись сил, чуя смертный час,
Он товарищу отдаёт наказ: (2 раза.)
«Ты, товарищ мой, не попомни зла,
Здесь, в степи глухой, скорони меня! (2 раза.)
И лошадушек сведи к бабошке,
Передай поклон родной матушке, (2 раза.)
А жене скажи слово прошальное,
Передай кольцо обручальное. (2 раза.)
Да скажи ты ей, пусть не печалится,
Пусть с другим она обвенчается. (2 раза.)
Про меня скажи, что в степи замёрз,
А любовь её я с собой унёс». (2 раза.)

БОМБАРДИРОВЩИКИ
ИДУТ НА ЗАПАД.
Фото И. Шагиня

СМЕНА

ЦЕНА 1 руб.